Мысли из глубины

Томирлан Мизандари

SHOUT
SHARE
IT

- Мизандари Томирлан

Мизандари Томирлан
Мысли из глубины

Томирлан Мизандари
Мысли из глубины
НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

Ну вот, наконец-то я и решился на этот мужественный (для меня) поступок. Это поступок с большой буквы. То, что я сейчас делаю, за одно это мне уже надо при жизни поставить памятник, меня надо увековечить. Памятник мне надо сделать большим, чтобы он был виден ото всюду. А в прочем, чего мелочиться, пусть памятники мне стоят на каждом углу. Молодые, красивые девушки будут толпами спешить к ним с огромными охапками цветов и, рыдая бросать их к моим ногам, а, рядом застыв в строгом салюте, будут стоять юные, но уже суровые пионеры и тайком вытирать набежавшую слезу умиления. А в книжных магазинах все полки будут уставлены книгами обо мне, моей нелегкой, но интересной жизни. Тут же, не отходя от прилавка можно будет приобрести маленькие мои бюсты по рублю штука. В граните, в металле, в гипсе, в дереве, я буду красив как Аполлон., суров как Мересьев и недоступен как Джомолунгма. Но все это, к сожалению, мечты. Скромные, ненавязчивые мечты. Хотя в прочем...

Сейчас 9 часов вечера, делать совершенно нечего (прости за невольную, неудачную рифму). Сижу, мерзну от холода, по телевизору смотреть ничего не возможно, полный бред, слащаво кровавый бред, читать тоже неохота, все книги, которые находятся у меня в доме читаны перечитаны уже по 3-му кругу. В компьютере я застрял на 3-ем этапе игры "Хэксин-2", я даун, маленький недалекий даун. Господи, дети, семилетние дети щелкают эти игры как орехи, я - взрослый мужик, повидавший на своем веку, поверь мне, МНОГО!!!!! Застрял на 3-ем этапе. Я не могу в это поверить. Порой мне хочется разнести эту игру вместе с компьютером и с Филиппом Киркоровым в придачу. (Ты спросишь, причем здесь Филипп , я тебе отвечу: "Просто я его Н Е Н А В И Ж У!!!") Просто ненавижу, не знаю за что, не нравится он мне и все. В этой жизни не так уж и много вещей, которые я ненавижу, так вот в их краткий перечень входит и товарищ Киркоридзе. Я не люблю вареный лук, я не люблю запах бензина и масляной краски, я не люблю похмелья, я не люблю когда я покупаю что-либо в палатке или в магазине, а от этой вещи пахнет табаком. Даже не табаком, а табачным перегаром, потому

что продавцы дымят как трубы Путиловского завода. Я не люблю внезапный визг тормозов, я не люблю ночные звонки в дверь и по телефону, они меня пугают. Моя совесть чиста как у младенца, но видимо это у нас в крови, это унаследовано с кровью наших бабушек и дедушек, этот страх навечно посилился в наших генах, страх перед внезапными ночными звонками. Еще я не люблю когда мои читают письма заглядывая мне через плечо, я не люблю железом по стеклу, я не люблю когда мне лезут в душу и когда в нее плюют я тоже не люблю. Еще я не люблю пьяные компании, наговоришь разной ерунды, а наутро жалеешь, что наговорил. Не буду тебя больше загружать своими нелюбовями, буду писать о чем-нибудь другом. Ты заметила, мой юный друг, мое письмо отличается большим оптимизмом от твоего. Твой пессимизм мне не нравится. Тут же на память пришел анекдот: Идет по улице пессимист, а за ним два оптимиста... В штатском! Вот такой вот анекдот. Есть еще один, тоже очень интересный (на мой взгляд): Бабушка укладывает внучка спать, и поет ему колыбельную песенку. Час поет, два поет, перепела весь репертуар, который знала, а он все не спит и не спит. У нее даже горло заболело и решила она немножко передохнуть, чайку попить. Только замолчала, а внучек голову поднимает и со слезинками на глазах говорит: "Бабуля, можно я теперь немножечко посплю?" Надеюсь, ты хотя бы из вежливости улыбаешься? Улыбнись, пожалуйста. Мне будет приятно. Да, чуть не забыл, у меня для тебя приятная новость, которую сообщу тебе в конце письма. Заинтриговал? Вот, мучайся теперь. А впрочем, сообщу тебе, наверное, прямо сейчас, а иначе ты будешь стараться прочитать письмо поскорее и не вдумываться в его смысл. Так вот, НОВОСТЬ: До весны осталось чуть меньше месяца. УРА!!! Ты рада? Я очень.

Однажды я прочитал, не помню где, об одной женщине миллионерше, которая вот уже 15 лет ездит по всему свету за весной. Представляешь, 15 лет весны. Как только весна переходит в лето, она тут же уезжает туда, где весна только начинается. Здорово? Когда я стану большим, толстым и богатым, я сделаю весну на всем земном шаре. Пусть весна будет для всех безвозмездно, т.е. даром. А еще у меня болит горло, а еще у меня болит шея. Скажите доктор, я умру???

Я как чукча, что вижу, что думаю, то пою, то есть, простите, пишу. Такой я человек. Да-да. Я прелесть, я очень интересен, я идеален, я кристален, я шикарен, а еще я очень скромен, а все эти громкие титулы, которыми я себя обзываю всего лишь плод моего комплекса. А еще я сегодня почему-то очень красив, я смотрю на себя в зеркало и сам себя люблю. А еще я кушал большое зеленое

яблоко. Я люблю большие зеленые яблоки. Прижмешь его к уху сильно сильно, а с другой стороны тихонечко дашь ему щелбана и звук такой получается громкий и вкусный. Сейчас я его изображу, словом....

ТАНДЗ-ТАНДЗ. После этого оно даже кушается с каким-то особенным аппетитом, яблоко, получившее щелбан.

Вот такая моя жизнь. С одной стороны даже и здорово, получается какая-то идиллия. Живет такой молодой, чертовски красивый человек, кушает большие зеленые яблоки и печатает письма (прости, письмо) на компьютере, тыкая по клавишам одним пальцем. Скоро, очень скоро я набью на своем указательном пальце огромную мозоль, размером с грецкий орех, и меня занесут в книгу рекордов Гиннеса, я стану богатым и знаменитым. А все благодаря тебе. Так и быть, я поделюсь с тобой, я куплю тебе розочку. (Шутка). Сейчас я сделаю маленькую паузу для того, чтобы ты улыбнулась.

Все? Тогда я продолжаю. Да, не хочется возвращаться, но я все-таки это сделаю. Я по поводу того, что я не люблю. Перед новым годом, равно как и после него я ходил по улицам и мои глаза, душу, и сердце не радовало то, что я видел. А видел я страшные вещи. Улицы, витрины магазинов и всевозможные палатки с новогодними или как модно сейчас говорить "рождественскими" подарками оккупировали Санта-Клаусы. За все это время я увидел не более одного-двух дедов Морозов. Мне страшно жить в стране, которую заполонили нерусские деды Морозы. Я не хочу жить в такой стране. Медленно, но с завидным упорством в нашу жизнь насильно прививается чуждая мне (я уверен, что и тебе тоже) культура, если это можно назвать культурой. Я, конечно же, не радею за то, чтобы по улицам моей страны народ ходил в косоворотках и с балалайками в руках, но нельзя забывать культуру наших отцов. Очень много влезло в нашу жизнь. Молодежь вместо слова выходные использует мерзкий набор букв "ВИК ЕНД". Нормально это нет? Может быть, так и должно быть, но мне это не нравится. Это мое железобетонное нерушимое мнение. Думаю, что ты меня поддержишь. Делаю паузу для того, чтобы ты меня поддержала. Сейчас ты должна встать сделать строгое лицо, сжать в кулак правую ладонь и изобразить знак "Рот Фронт". Сделала? Тогда продолжаю. Хотя впрочем, я уже буду закругляться. Вот вроде и все то, что я хотел тебе сказать. Может быть, когда-нибудь я заставлю себя написать тебе еще одно письмо. Скорее всего, это произойдет. Не могу сказать когда, но я думаю, что это будет. Ты рада? Думаю что да. Скажу тебе честно, по секрету, я не умею писать письма. Мне некому было писать всю свою жизнь. Ты

можешь гордиться тем, что ты первый человек, кому я пишу письмо. Что там пишут в письмах, даже не знаю. Написать тебе, что ли про здоровье свое....

Пишу. Здоровье мое не очень, то там стрельнет, то оттуда выстрелит. Вообще я устал сидеть дома, я устал смотреть телевизор, я устал читать и я хочу на улицу. Хочу весну, солнце, запах зелени, море, чаек, белый пароход, огромные нефтяные пятна на голубой воде, мертвые рыбы, мертвые дельфины, запутавшиеся в обрывках рыбачьих сетей. Когда умрет последнее дерево, когда последняя река будет отравлена, мы поймем, что деньги нельзя есть...

Так, о чем это я, а ну да, прости я отвлекся. Вот такое у меня скромное желание. Весна, море, запах зелени и я среди всего этого изобилия. Красив, загорел и обаятелен. Ничего, осталось совсем немножко, надо только потерпеть, чуть-чуть, капельку. И скоро мы все это получим, я знаю, поверь мне, мой друг. Обнимаю, целую целомудренно в щеку.

Томирлан.

6.02.94

Время 22:57

КУБА

- А бабы у нас... М-м-м-м!!! - вполголоса бубнит Куба. - Бля буду, Грустный, ты таких баб сроду не видал!

Куба идJт впереди, слегка оскальзываясь кроссовками на влажных от утренней росы камнях. Куба или, если полностью, Кубань, это Толя Матвиенко, родом с Кубани, Краснодарский край.

- К нам во двор с другого района, прям перед моей отправкой, переехала одна... Я как раз в военкомат чапал. Как увидел еJ, а у неJ сиськи-и-и... Куба останавливается, чтобы показать какие у неJ сиськи. - Во сиськи!!! Я, блядь, чуть челюсть не сломал...

- Об сиськи? - спрашиваю.

Куба, не уловив подвоха, отвечает на полном серьJзе:

- Зачем? Засмотрелся, бля. Ка-а-ак наебнулся, и мордой о камень. Во, шрам, вишь, остался.

Он опять останавливается, чтобы показать, какой у него остался шрам.

ВсJ это я уже сто раз видел и слышал. И про баб с полной пазухой сисек, и про яблоки, величиной с голову младенца, и про шрам, и про многое другое. Куба боец знатный, хоть и молодой. С умом пацан. Только вот разговорчивый очень. И как он болтать не устаJт? Я иду сзади, глядя в его широкую груженую вещмешком с продуктами спину, на его разъезжающиеся ноги, и думаю о том, как же мы сейчас дивно оттопыримся. Поедим и спать. Мы

возвращаемся в роту из договорного села, куда мы ходили сегодня ночью за продуктами. На тушняк и перловку уже сил нет смотреть. А тут хоть цимусом разжились.

- А я ему говорю, слышь, Грустный, - прерывает мои мысли Куба, - ты чJ, в натуре? Змей траншейный, горя захотел? А он мне... - Куба делает остановку и рывком поправляет тяжJлый вещмешок, - ... а он мне ка-а-ак даст в репу, я прикумарил, и он свалил. Прикинь?

Медленно мы приближаемся к концу узкой улочки, где сделаем небольшой перекур и двинем дальше. Я толкаю Кубу в спину и на его удивлJнный взгляд показываю знак: молчи. Куба замолкает и идJт дальше. Из туго набитого вещмешка у Кубы призывно торчит стеклянная банка с алычовым компотом. Не хотел я еJ брать, но по жаре вещь просто улJтная. Мы проходим ещJ метров пятьдесят, Куба выходит на широкую улицу и тут же, упав на жопу, быстро пятится назад мне под ноги, скользя кроссовками и раздирая в кровь локоть. Я резко останавливаюсь, и неприятный холодок разливается по низу живота. Вместе с Кубой я прижимаюсь к стене сарая. Снизу на меня смотрит его белое лицо. Я наклоняюсь к нему, и он выдыхает мне в ухо:

- Чехи! Бойцов пять- шесть.

Вот те здрасьте! Сходила жопа за хлебом!

- Ты уверен, что это гоблины?

Куба трясJт головой, мол: ДА!!!

-Тебя заметили?

И тут же понимаю глупость своего вопроса. Если бы заметили, сейчас бы уже здесь были.

- Вот что. Отходим назад. Только тихо. И пережидаем. Понял? За мной.

Стараясь не шуметь, я встаю и, затаив дыхание, прислушиваюсь. Гоблины встают тоже и, судя по звукам, конкретно собираются куда- то идти. Подпрыгивают на месте, проверяя, не звенит ли амуниция, что-то поправляют, чем-то шуршат. Всю эту музыку за годы войны я выучил наизусть, и мне даже видеть их не надо, чтобы рассказать, что они делают. Только вот куда они тронутся? Не нам ли навстречу? Делаю знак Кубе. Уходим. Быстро. Но, не успев сделать и шагу, втягиваю голову в плечи от резкого и страшного, как гром, звука. Банка с алычой, выскользнув из мешка у Кубы, разбивается о камни. Блядь, говорил же, не надо брать стекло. Так нет же, "Компотик, компотик".

В тот же миг загомонили гоблины. Ну, Куба, хочешь жить, беги так, как будто у тебя жопа с моторчиком. И, бросив продукты, стартую первый. Много мне приходилось бегать: и

догонять и убегать. Но так... Главное, добежать до поворота, а там... там видно будет. Но добежать я не успеваю, шквальный огонь кидает меня на землю. Развернувшись, я занимаю позицию и прикрываю ползущего Кубу.

Гоблины -- черти ещJ те, битые! Это я понимаю сразу. Сейчас обойдут нас и перестреляют, как цыпочек. В роте, конечно же, перестрелку услыхали, но пока туда-сюда, пока разберутся, где бой идJт... В общем, на всJ про всJ у нас с тобой, брат Куба, жизни на полчаса. И то если патронов хватит. Позиция у нас хреновенькая. С одной стороны каменная стена сарая, с другой заросший сад, слон, блядь, спрячется, не то что чехи. Спереди и сзади проулочек шириной в два автомата. Чичи методично и с умом обрабатывают стену. Камень, как стахановец, даJт рикошет и острую крошку. У меня уже рассечена щека. Да и Кубе досталось, вся ряшка в крови. Вжимаясь рядом со мной в камни, то ли от страха, то ли от ярости, начинает тратить патроны. Дотянувшись, бью его по голове, потом хватаю за шиворот и одной рукой рывком разворачиваю его "валетом". Теперь смотри в оба. Ты мою задницу бережJшь, я твою. Да смотри, лучше береги, уж очень мне хочется на кубаночек с их полными пазухами сисек посмотреть.

По звуку определяю, что по нам работают два автомата. Где остальные три или четыре, одному Аллаху известно. И тут же в саду начинает работать ещJ один ствол. Обжигая мне плечо и срезая задник стоптанной кубинской кроссовки прямо у меня перед носом. Не сговариваясь, не слабо бьJм в два ствола в сторону непролазных садовых кустов. Судя по взметнувшимся рукам и отлетевшему автомату, один ноль в нашу пользу. Поторопился чех, поторопился. Я бы на его месте притих, выждал бы момент да и снял бы в два выстрела обоих. Это наталкивает меня на мысль о том, что чичи не знают, сколько нас. Но больше такое везение не повторится, уверен. Надо менять позицию. Не оборачиваясь, шлJпаю Кубу по ноге и, мельком взглянув на часы, спрашиваю:

-Живой, нет?!

-Живой!

- По команде отходи назад, я прикрою.

Перекатываюсь через спину и, прижавшись к сараю, даю очередь в конец улочки, краем глаза следя за кустами.

- ПОШiЛ!!!

Куба рвJт, как спринтер. Понятливый хлопец. Даю ещJ одну очередь и, сорвавшись, рву за ним, но оскальзываюсь и падаю. В то же мгновение пули врезаются в стену сарая над моей головой. Ты гля, с-сука, ещJ один пробрался! Неловко извернувшись, бью

наугад по кустам и ползу, прикрываемый Кубой, пытаясь поменять рожок. Вставляю, но он вываливается. По инерции проползаю немного и, крутанувшись на месте, начинаю его искать, но не нахожу.

- Куба, патроны!

Но он уже меня не слышит, обрабатывая другой конец улочки. ВсJ-таки обошли, падлы!

- КУБА, ПАТРОНЫ, БЛЯДЬ!!!

Не оборачиваясь, он кидает мне рожок. Услышал.

- Ща-а-ас я тебя милый мой чехушка и подсниму-у-у! -- Высматриваю в кустах чеха, но тот тварь затаился. Или мне второй раз повезло?

- Тан-тан-тан-тан-тан!

Нет, живой! За что ж ты меня так не любишь-то, а? Даю два одиночных на звук и понимаю, два ноль!!!

- Два ноль! Слышь, Куба?

- Три!

- Что?

- ТРИ!!! НОЛЬ!!!

Ай, маладца Толяныч!!! Знатный воин! Зря время не теряет. Ползу к нему.

- Молодец, Кубань. В отпуск поедешь.

- А хули!!! Делов-то!!!

А вот за это, два раза молодец. Шутим? Это хорошо!!!

- Сколько там у тебя?

- По ходу, ещJ один. Только где? Не пойму.

- Ща, разберJмся.

Но разбираться не пришлось. Чича сам обозначился. Да конкретно так, убивай, не хочу. Камикадзе, мать их за ногу. Ну Толяныч, настал наш звJздный час. РвJм к коровнику, и окапываемся.

- Давай, Грустный! Я прикрою!

И я дал. Эх, как я дал. Да от меня же теперь ни одна кубаночка не сбежит.

И вот, когда я уже почти добежал, раздался взрыв.

У нас гранат не было. Стало быть, гоблинские. Разворачиваюсь на автопилоте, бегу назад. На ходу открываю огонь, петляю как заяц.

Толик лежит на боку, как ребJнок поджав под себя ноги. ЕщJ не добежав, понимаю, в живот. Лишь бы кишки были целы, а шкурку залатаем. Добежав, падаю рядом. В сознании. Это гут! Это большой-большой гут!!! У сарая мелькает чича, леж-а-а-ать, с-сука!!!

Мельком на часы, двадцать три минуты воюем.

Склоняюсь над Кубой. Терпи, братишка. Терпи. Сейчас уже и наши подойдут. Живой -- главное, а остальное купим. Мы ещJ взлохматим с тобой кубаночек, и не одну. Пытаюсь оттащить его в сторону. Но он кричит. Да, да, браток! ВсJ! Не буду, не буду больше. Закрываю его собой, и из двух стволов пытаюсь отстреливаться. Но стволы ведJт вверх. Не удержать одной рукой. ОтстJгиваю рожок у кубинского автомата и ползу навстречу чехам. А вот и они, родные. Двое мелькают в саду, а один, ты глянь, что удумал, на сарай вскарабкался. Ну вот и отвоевались мы братишка. Оттуда мне его никак не достать, а я у него как на ладони. Оглядываюсь назад и встречаюсь взглядом с Кубой. Пытаюсь улыбнутся, но страшная боль впивается в ногу. Что ж вы, говноеды, вытворяете? Больно ведь! И тут же второй удар, в голову. Херня, царапина. В глазах туман. Не-е-ет! Твари. ЛJжа я умирать не буду. Я поднимаюсь в полный рост и целюсь в ближайшего ко мне чеха.

ЩJлк-щJлк-щJлк. Пусто. Отбросив пустой рог в сторону, трясущимися руками пристJгиваю последний, щJлк-щJлк-щJлк...

А вот это уже полная лажа. Отбросив автомат в сторону, делаю ещJ шаг навстречу чичам. И они, уже не скрываясь, тоже в полный рост, идут улыбаясь ко мне...

Тот, на крыше, что-то кричит им и машет весело рукой... Как вдруг, словно кукла, нелепо крутанувшись вокруг себя, летит вниз. Гоблины замирают и, развернувшись назад, ещJ ничего не понимая, смотрят на того, который упал...

Наши. НАШИ!!! Н-А-А-А-Ш-И-И-И!!!!

Я оборачиваюсь назад... И вижу, как Куба, вставив автомат себе в рот, одной рукой удерживая рвущиеся кишки, другой нажимает курок. Последний патрон, оставшийся в стволе, он дарит себе!

Последний патрон.....

Я ездил к нему на Родину. Встречался с его родителями. Я ел яблоки, размером с голову младенца, я видел кубаночек с полными пазухами сисек. Я видел ту, которая запомнилась ему больше всех и о которой он вспоминал там, на войне. Я хотел подойти к ней и рассказать ей о Кубе. Но понял, что не смогу этого сделать. Она ждала ребJнка.

В тот же вечер, когда собрались все родственники помянуть Толю, я сидел за столом, пил самогон и запивал необычайно вкусным компотом из алычи...

ВОЕННЫЙ ДНЕВНИК

Сегодня, в четыре часа утра (по местному времени), начинаем выход из окружения. Выходим группой из семнадцати человек. Из них пять человек, груз 200 (убиты) и трое тяжелых.

Остальные, те кто в состоянии передвигаться и нести груз, имеют ранения различной степени тяжести. Я ранен в живот, по касательной, рана глубокая, но по моему не опасная.

Убиты : Горелов Михаил Осипович. Капитан. Командир отделения.

Кротов Сергей Андреевич. Старший сержант.

Максимов ПJтр Анатолиевич. Сержант.

Ягода Андрей Игоревич. Солдат.

Перегудный Константин Петрович. Солдат.

Связи нет. Боеприпасов почти не осталось. Восемь гранат. И по полтора рожка на брата. Медикаментов и бинтов нет. Из продуктов, консервы (мясные) и галеты. Воды (питьевой) восемь солдатских фляг, это совсем худо. Единственная надежда на то, что прежде чем рация была уничтожена, нас всJ таки запеленговали, и уже ищут. Убитых берJм с собой. Закон спецназа, или все, или никто.

19 июня. 1995 года.

Час назад, умер СерJжа Полищук. За несколько минут до смерти пришел в себя и сказал что умирает. Умер в сознании.

Остановились на перевязку. В место бинтов, рвJм тельняшки. Раны обрабатываем мочой и засыпаем сигаретным пеплом, но это мало помогает. У многих раны почернели и начали мокнуть. В отряде появился неприятный запах. Это начали разлагаться трупы. Жара за 40. Воды осталось совсем мало. Отправили группу из трJх человек, искать воду. Группа вернулась через четыре часа ни с чем. Кругом скалы. Вертушек так и нет.

21 июня 1995 года.

Ночью, возле лагеря, появились шакалы. Всю ночь выли и норовили пробраться к мJртвым. Огонь естественно не зажигаем. Стрелять не можем. Отгоняли по очереди камнями. Темень, хоть глаз коли. Когда рассвело, увидели, что СерJже Кротову, те всJ таки умудрились обглодать лицо. После не большого совета, убитых решили хоронить. Положили всех вместе и завалили камнями. Документы, награды, письма и личные вещи, взяли с собой.

После перевязки, когда уже тронулись в путь, умер Коля Пак.

Вернулись назад. Стали решать как хоронить. Разбирать общую могилу или положить рядом. Дорешались до того, что подрались.

Слава богу, до крови не дошло. Обстановка в отряде напряжJнная.

Каждый знает, что его ждJт, если нас не найдут. Решили так, отходим от могилы километра на два, и становимся лагерем, на сутки. Всем нужен отдых.

Делая себе перевязку, увидел, что края раны почернели и вывернулись наружу. Затягивая повязку, чуть не потерял сознание. Ребятам пока решил не говорить.

22 июня 1995 года.

Утром обнаружили, что нет Кирилла Мартынова. Разошлись в разные стороны на поиски. Нашли через час, на могиле. Покончил с собой. Прислонил штык нож к груди и всем телом упал на него. Рядом, придавленная камнем, лежала записка " ВсJ, больше не могу. Лучше так. " Похоронили рядом и вернулись в лагерь. Скоро подошли ещJ ребята. Не вернулись только двое, Жора Братов и Саша Петровский, которые отправились на север. Ждали до вечера, потом решили ждать ещJ до утра, но и утром они не вернулись. Ждали ещJ сутки. Кончилась вода и кончаются консервы. Через сутки умер последний тяжJлый, Андрей Скворцов. Больше ждать не можем. Оставили тайник, две консервы, четыре пачки галет и записку. Обозначили условным знаком и похоронив Андрея, ушли.

Очень болит рана. ВсJ время из неJ что то сочится, но пока ещJ терплю. Ночью решил завязывать себе рот, что бы не закричать во сне.

25 июня 1995 года.

Нашли колодец, вода не совсем хорошая, но пить можно. Пока живJм.

26 июня 1995 года.

Целую неделю не вJл дневник. Да в прочем писать то было особенно не о чем. Сегодня в два часа дня отдыхая на привале, вдруг услыхал шум вертушек. Думал показалось, но шум услышали и другие. Долго сидели боясь шевельнуться. Ждали что вот-вот найдут. Но те всJ стрекотали где то в стороне, то справа, то слева.

Через час улетели. Нас так и не обнаружили. Долго сидели молча, потом вдруг заплакал Юра Арбаков, за ним заплакали все.

Решили сдвинуться влево, к югу километра на полтора, стать лагерем и ждать, вдруг ещJ прилетят. Хотя все понимают, на сколько ничтожно мала вероятность.

Пройдя с пол километра, чуть не нарвались на караван. Но всJ обошлось. Караван ушJл.

Голодаем. Вода, хоть и протухшая, но пока ещJ есть. В отряде, из за воды, началась дизентерия.

У меня, по моему, началось заражение. Не знаю, сколько ещJ продержусь. Ребята все как порох, достаточно одного слова, и начнJтся бойня.

2 июля 1995 года.

Ночью, вдруг показалось, что меня кто то зовJт, встал и

пошел. Пришел в себя только тогда, когда меня догнал часовой. Долго не мог понять где я. Из раны уже откровенно воняет мертвечиной.

5 июля 1995 года.

Утром не проснулись Ян Марантиди и ЛJша Строгов. У нас не хватило даже сил, что бы похоронить их.

Когда уходили оглянулся и увидел, как вокруг них собираются шакалы.

8 июля 1995 года.

Господи как глупо всJ....

Последняя фраза в дневнике, была написана за два с половиной часа, до того, как мы, оставшиеся в живых, я и СерJжа Ариджанов, нарвались на разведгруппу боевиков и приняли короткий, но страшный бой....

Через несколько часов, умер от пыток СерJжа. Я был посажен, вернее даже не посажен, а подвешен в зиндане за руки остроумными чехами так, что бы доставать до земли только если встать на цыпочки. Так я и провисел, простоял, как балерина двое суток, ожидая когда (как мне сообщили) за мной приедет мой кровник, Беслан, очень нервный и неуJмный чех, заросший волосами, как обезьяна, брата которого, я имел "неосторожность" убить. Этот гоблин, поклялся на Коране, что пусть он совершит грех, но он выпьет водки из моего черепа. Очень мне было неуютно, эти двое суток. Перспектива стать фужером, мне не понравилась. Но видимо Аллах, всJ же был на моей стороне, и по пути за моей головой, Беслан решил немного поиграть в войну с федералами, в результате чего, одним кровником на этой грешной земле, у меня стало меньше.

Но их у меня, ещJ много. Очень много...

БОЙ

В рукопашную решили идти под утро, часа в четыре, когда только-только рассветает и сон наиболее крепок. Пятеро суток просидели мы на каменном козырьке, вяло, отстреливаясь от вылезающих время от времени, с гранатометом, духов. Духи не торопи-лись, понимая, что патроны у нас не бесконечны. Патронов оставалось пятнадцать штук.

Пятнадцать штук, на восемь человек...

План был предельно прост, разбиться на две группы, с двух сторон ворваться в лагерь духов и далее прорываться в центр, где по логике должно нахо-дится оружие.

Оставшиеся до начала операции часы, отведJнные для отдыха, вымотали меня окончательно. Это был даже не страх, чувство беды и неотвратимости, какой то навязчивой безысходности не давали уснуть и расслабится. На какое то

мгновение, как мне показа-лось, я все таки умудрился задремать и тут же проснулся от того что Андрей зажав мне ладонью рот, тряс за плечо. И вот именно с этого момента память, почему то, сохранила наиболее яркие эпизо-ды, как во сне, кусками...

Вот я, зажав рот часовому и обхватив его ногами пытаюсь повалить на землю. И как Пашка, всJ бьет и бьет его ножом под сердце, уже мJртвого, и прока-лывая его насквозь, не больно, колет меня в бедро. И ошалело, тяжело дыша, останавливается, получив от меня по голове. Вот я бегу к костерку, возле которо-го сидит ко мне в полу оборот спиной , ещJ один дух, и когда до него остаJтся всего каких то метров пять, он вдруг начинает медленно поворачиваться ко мне, и машинально, ещJ ничего не понимая, тянет за ремень автомат, и я вижу, что именно этих то, пяти метров мне и не хватит, и в этот момент, с противо-положной стороны лагеря, вдруг раздаются выстре-лы и истошные крики: "Шурави-и-и-и!!!" "Шурави-и-и-и!!!". Этот крик как толчок кидает меня вперJд, и я валюсь вместе с ним в костJр, уперевшись ему коленом в пах остервенело рву на себя автомат, и понимая, что силы не равны, вгрызаюсь зубами в его бровь, задыхаясь от бешенства, страха и крови...

Помню, как Андрей с залитым кровью лицом что то кричал мне. Но я не слыша его, рвался к центру лагеря. Туда, где уже закипел бой...

Как бежал, почему то прихрамывая и всJ пытаясь, трясущимися руками вставить рожок...

Как гибло и страшно, бился в рукопашке, Мартын, обхватив автомат, словно палицу, за ствол двумя руками. В разорванном тельнике и страшной раной через всю грудь. Пока не упал навзничь с пробитой, навылет, головой.

Вот я лежу, вжимаясь в землю, под градом пуль, который дарит мне бледный, напуганный дух, а пули как жJлуди, громко и смачно стучат в скалу над моей головой, посыпая меня крошками. Я не высовываясь, поднимаю автомат не глядя над головой и наугад, поводя стволом вправо-влево, просто чудом попадаю в него. Яица с горошину, нервы давно уже, как струны, лопнули. Сантиметр, за сантиметром я ползу к центру...

Мы очень удачно использовали фактор внезапности. Еще долго, после боя, я не могу встать и идти, ноги отказываются шагать и я просто ползу на заднице к сидящему невдалеке Пахе.

Наступает вечер. Тишина. Пятеро оставшихся в живых, мы сидим и молча, передавая друг другу, пьJм водку из горла. Меня трясJт как малярийного. Через неделю, у меня день рождения, я стану совсем взрослым и если выживу, смогу ходить в кино на сеансы до 16. Потому что мне уже будет 19.

1990

НОЧНЫЕ ДУМЫ

Нет, это не транквилизаторы, и даже не бред. Это боль души моей, истерзанной и надорванной, как троллейбусный билетик, безжалостной рукой пьяного контролJра. Она кровоточит и саднит, как порезанный в детстве пальчик. Она ноет и дJргается в такт биению моего истерзанного, громкими политическими играми, сердца. Оно загнанное и испуганное, как маленький мальчик, потерявший маму. Оно изнасиловано политорганизацией и воспитателем моего детского дома. Он тыкал в него грязным пальцем, ковыряясь в его желудочках, заглядывая мутным глазом в аорты и вены, громко цыкая зубом и недоверчиво кривя небритую, опухшую от пошлой жизни рожу, словно сомневаясь в его существовании, вонял моему сердцу в "лицо", гнилостным, желудочным запахом и застарелым перегаром. Он топтался по нему, своими навечно скользкими, грибковыми ногами, как скорый поезд, по телу потерянного бомжа. Терзая и издеваясь над ним, со всей этой вшивой политикой, кремлJвской братией и нашей доблестной, самой доблестной в мире армией, которая брила меня кусачей ручной машинкой, заставляла ползать под шквальным огнJм и гнить в окопах. Хоронить своих друзей, закрывая им глаза, провожая в последний путь, и плакать сухими слезами, над их растерзанными, но по прежнему молодыми и сильными, никогда и ни кем не отпетыми телами.

О чJм бишь я? Да всJ о том же, о боли и крике души моей.

Моей душой накормили толпу. EJ терзали и били, как били СерJжу Ариджанова. В лицо. Сапогами.

Когда он корчился и харкал кровью в их ненасытные, лоснящиеся от бараньего жира рожи, а они сыто хохотали, глядя на то, как он странно выгнувшись, хрипя и кося, страшно выкатившимся глазом на кол, которым его проткнули прямо посередине вырезанной на груди звезды, и как он САМ, скользкими от крови руками, всJ более и более слабеющими, пытался вытащить его. Как я рвался, привязанный, не в силах смотреть на всJ это, и почему то прося у него прощения. У него, который уже давно не слышал меня, и был по своему счастлив в своей боли, полуумерший, но не сдавшийся, и даже с отрезанным языком выкрикивавший им в лицо, слова ненависти. И они, как ни странно понимали его, и от этого, сатанея ещJ больше, надсадно, словно выполняя какую то не посильную работу, молча и страшно, всJ били и били его, делая короткие перерывы, тяжело, со всхлипом дыша, не в силах даже переговариваться друг с другом и только глядя, недоумевать, почему он улыбается,

смотря в их глаза.

Почему я вспоминаю это по ночам? Я не знаю.

Мне больно и страшно...

КОВЕРНЫЙ ВОЙНЫ

- Давай - давай!!!

- Вперед - вперед!!!

- Домой - домой!!!

И так без конца. Как молотом по ушам.

- Давай - вперед!!!

- Домой - давай!!!

Раньше стук колес звучал по другому. Радостнее что ли.

- Туда - сюда!!!

- Сюда - туда!!!

- Ха-ха - ха-ха!!!

Да, раньше все было по другому. И стук колес и пейзаж за окном. И верхняя полка, вырванная с боем у товарища, превращалась в свой уютный мирок, в который можно было пускать только с разрешения, как к себе домой. Сейчас она уже не кажется такой милой. Сейчас ты уже знаешь, что спускаясь, скатываясь вниз, ты рискуешь сломать себе что-нибудь и стать небоеспособным, и те несколько секунд, которые ты летишь вниз, так безвозвратно улетают вместе с жизнью простреляннной навылет.

- Давай - давай!!!

- Домой - домой!!!

- Вперед - вперед!!!

Сейчас все не так. Как в песне у Высоцкого.....

- Нет, и в церкви все не так. Все не так ребята.

Вчера, отправляясь от какого-то очередного полустанка. Я стоял на подножке и жадно докуривал, понукаемый проводником. Поезд догнал какого-то мужика, и он какое-то время шел рядом, пока поезд набирал ход, потом увидел меня и резко вскинул руку для прощального взмаха. Я похолодел. Дернувшись назад, чуть не сбил проводника. Раньше, я бы еще долго махал бы ему и всем тем, кто махал бы мне, счастливо улыбаясь и писал кипятком от того, что тебя заметили. А сейчас я напрягся, как целка....

- Грустный!!! Оглох, что ли? Ты че, брат? Пойдем, там Прохор где то водку достал. Тебя, бля, одного ждем.

Это Серега. В роте, просто Пополам. На войне прозвища дают метко. Поговорка у него любимая - Порву пополам, как селедку!!! - вот он и Пополам. Ну а Прохор, он Прохор и есть. Фамилия у него такой, Прохоров. Мы едем ко мне в Москву. На побывку, так сказать. Поезд Владикавказ - Москва. На войне его называют пьяным поездом. Ну а я Грустный, просто Грустный. Так меня

называют. Но я не грустный, я задумчивый. Серега стоит передо мной, сильно раскачиваясь, пьяный и не бритый. Мне почему-то неприятно смотреть на него. Странно еще пол часа назад мне было по барабану. Порванный и в каких то жирных пятнах тельник. Опухшая морда. У краешка губ, прилипла хлебная крошка. Мне становится невмоготу, и я отворачиваюсь. Невмоготу от того, что я понимаю, что я точно такой же. И морда у меня такая же, и тельник. И воняет от меня окопом.

- Не. Я не понял. Ты че брат? Ты че тормозишь? Идешь, нет?

Не оборачиваясь, я машу рукой.

- Хга -хга-а-а!!! - неожиданно веселю я Серегу - Грустный нажрался!!! Ладно Гру, не бздо, постой тут, проветри жопу. Я те оставлю.

Хлопнув меня по плечу, он уходит, врезаясь во все углы. Я медленно поднимаю руку, и с усилием, медленно, вытираю плечо. Холод стекла на лбу. Я открываю глаза и смотрю в свое прозрачное отражение. Оно смотрит на меня, близко-близко, своими далеко-близкими глазами, пытаясь заглянуть мне в душу. Что же ты ищешь там, браток? Что пытаешься отыскать? То, что давно уже потерял? Проебал, там в окопах? Обронил на бегу, задыхаясь от страха и боли, перепрыгивая через своих погибших товарищей? Нет брат. Все!!! Поезд, как говорится ушел, а клоуны остались. Или клоуны это из другой оперы? Я долго пытаюсь вспомнить, откуда же эти блядские клоуны. И не могу. А ведь я любил в детстве клоунов. И сам мечтал стать клоуном. Уже потом, когда чуть повзрослел и понял, что космонавта из меня не выйдет. И стал. Я стал клоуном. Как то, перед войной, я вдруг решил сделать себе праздник, и сходить в цирк. Я сидел и смотрел на этих людей, с постаревшим, от постоянно носимого грима, лицом и мне было жаль их. Жаль до слез. От их не смешных реприз. От их грустных глаз. От того, что я знал, что и они знают, что они не смешные и ненавидят всех, кто видит их унижение. Я встал и ушел. А потом и сам стал клоуном. Военным клоуном. Коверный войны. Вдруг мне становится весело и странно от того, как это я ловко и точно, только что придумал. КОВЕРНЫЙ ВОЙНЫ!!! Нет, это надо не забыть. Этим надо поделиться с братишками. Сейчас я объясню всем, и Сереге и Прохору и всем кто встретится. Я делаю шаг вперед и еле успеваю затормозить перед внезапно открывшейся, тамбурной дверью. Два чеха, гордые и величественные от ощущения своей холености, проплывают мимо, чуть бросив на меня взгляд, в котором навсегда застыла ненависть к таким как я. Мне вдруг становится стыдно от того, как я выгляжу и тут же, на смену стыду приходит ненависть. Сейчас бы родной калаш, хотя бы с половиной рожка.

Что с-с-суки? Не нравится? Да от меня воняет, да я не брит и пьян. Но я это заслужил.....

И меня окатывает как из ведра. Я ЗАСЛУЖИЛ, БЫТЬ ГРЯЗНЫМ, ВОНЮЧИМ И НЕБРИТЫМ!!! Ну не бритым это еще хуй с ним, мне это даже идет. НО Я ЗАСЛУЖИЛ, ЖИТЬ ТАК, КАК ОНИ НАС НАЗЫВАЮТ. Я ЗАСЛУЖИЛ ЖИТЬ РУССКОЙ, ГРЯЗНОЙ СВИНЬЕЙ!!!

У меня вдруг ослабели ноги, и я сажусь тут же в тамбуре, прямо на пол. Я начинаю плакать. Плакать без слез. Потому что я не умею плакать слезами. Их просто нет. Они остались и высохли там, далеко, на телах тех, кого я хоронил. Я утыкаю лицо в колени и плачу.

- Свинья -свинья!!!

- Хрю - хрю!!!

- Хрю - хрю!!!

Стучат колеса. Я ненавижу этот поезд. Я ненавижу чеченцев. Я ненавижу себя за то, что я пьян. Я поднимаю глаза и вижу недопитую бутылку пива, которую принес с собой в тамбур, но опьянел окончательно и не допил. Пиво, о котором я так мечтал там, на войне. Допиваю одним глотком то, что там осталось и разбив бутылку о стену так, как учили мня в детстве блатные. РОЗОЧКОЙ!!! И начинаю полосовать по стене справа - налево, сверху - вниз, как учили.

- Свинья - свинья!!!

- Хрю - хрю!!!

- Хрю - хрю!!!

Так. Хорошо. Не очень сильно, что бы не обломать острые края, до поры до времени. А потом со всего маху в живот, с проворотом, что бы уж наверняка... С хаканьем. Ха-а-а-к!!! На выдохе...

- Свинья - свинья!!!

- Хрю - хрю!!!

- Хрю -хрю!!!

Так, что там о клоунах? Я ведь что то хотел рассказать вам о клоунах? ВЫ СЛЫШИТЕ МЕНЯ!!! Я хотел вам рассказать... Я пытаюсь вспомнить и не могу. Все клоуны мудаки и я мудак! Я клоун, свинья и мудак. Со всего маху я врезаю с проворотом, как учили, горлышко от пива, которое мне снилось на войне, себе в живот. И не чувствуя боли, задыхаясь, опускаюсь на пол. Мое отражение, пристально и долго смотрит на меня и вдруг перешагнув через дверь, входит в тамбур, от туда с улицы, и садится передо мной на корточки, опустив мне на плечи свои холодные руки. И глядя мне в глаза, улыбается... И я засыпаю, мне становиться тепло и приятно. Отражение подхватывает меня

и бережно кладет на пол. Я прижимаю ухо к полу и слышу под собой стук колес...

- Вперед - вперед!!!
- Домой - домой!!!
- Давай - давай!!!
- Вперед - вперед!!!
- Давай - давай!!!
- Домой - домой!!!
- Давай - домой!!!
- Вперед - давай!!!
- Домой

дом.....

26 декабря 2001 года.